

Сидорчук Илья Викторович

Кандидат исторических наук, доцент,
Высшая школа общественных наук Гуманитарного института ФГАОУ ВО
«Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Санкт-Петербург, Россия
e-mail: chubber@yandex.ru

УДК 94(47) 1892/1940

DOI: 10.24411/2079-0910-2018-10013

«Вместе с автомобилем, трактором, электрификацией»: к истории кремации в России¹

Статья посвящена исследованию развития кремации в России в период с конца XIX в. до начала 1930-х гг. Автор приходит к выводу, что пропаганда нового вида похорон была не столько борьбой с религией, сколько частью технократических идеалов. До революции идеологи кремации вовсе не собирались покушаться на православие, ими двигали совершенно иные, более рациональные мотивы. Традиция погребения не нравилась им не из-за связи с православием, религиозными ретроградными мифами, а из-за неэкономичности, неэкологичности. Сожжение трупов — дешевле, гигиеничнее, позволяет бороться с распространением эпидемий, оно является признаком современности — именно эти идеи они старались транслировать обществу. В постреволюционных условиях большевики, видевшие в развитии техники залог победы революции, включили кремацию в образ своей технократической утопии. Она стала, наряду с электрификацией или радиофикацией, в первую очередь, частью нового культурного мышления, и лишь затем способом борьбы с религиозными традициями. При этом, несмотря на мощную пропаганду, данная новинка так и не была понята и принята обществом.

Ключевые слова: кремация, Г. Бартель, большевики и техника, исследования науки и технологий, социотехническое воображаемое, крематорий, история смерти.

В борьбе за право быть кремированным находилось место религии, политике, экономике, эстетике и, конечно, идеям технического прогресса. В полной мере это относится и к России, где церковный запрет на кремацию после большевистской революции 1917 г. сменился ее пропагандой. Традиционно историки рассматривают этот переход как часть антирелигиозной кампании [Шкаровский, 2006; Измо- зик, Лебина, 2010, с. 56; Головкина, 2011; Мальшева, 2016, с. 36], что, на наш взгляд, является не совсем корректным. Идея кремации виделась представителями новой власти составляющей ее цивилизаторской миссии, построения коммунистической утопии, невозможной без торжества технократических идеалов.

Попытки начать хоронить «по римскому обычаю» предпринимались в период Великой французской революции, вскормленной идеями Просвещения и требовавшей иной формы прощания со своими героями. Вскоре стали обсуждаться проекты постройки специальных печей для сожжения трупов. Это уже был более рациональный подход, целью которого была постепенная ликвидация переполненных кладбищ. С отходом от революционных идеалов и восстановлением монархии от проекта отказались. Первый крематорий был открыт в Милане только в 1876 г., за которым последовали открытия в Лондоне (1885), Стокгольме (1887)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00799.

и др. К 1908 г. в таких странах как Франция, Германия, США и Испания в крематориях ежегодно сжигались десятки тысяч тел. Также широкое развитие движение получило в Великобритании, Италии и Швейцарии. Показательно, что главными идеологами кремации были ученые — медики, инженеры, химики, гигиенисты, экономисты. Оставляя в стороне вопросы веры, они говорили о ней как о наиболее гигиеничном, экономичном и рациональном способе погребения, блестящем разрешении земельно-кладбищенского кризиса и профилактике распространения эпидемий.

В России последовательными сторонниками кремации также являлись представители мира науки и техники, прежде всего, врачи и инженеры. С конца XIX в. появляются их работы научно-просветительского характера, в которых показаны преимущества трупосжигания. Гражданский инженер Б. Правдзик в 1892 г. опубликовал в виде отчета о поездке за границу краткий обзор истории распространения кремации и подробное описание приборов, используемых в крематориях. Обращаясь к читателям, он подчеркивал, что преследует «чисто утилитарные цели, вполне уместные и возможные при современных культурных условиях нашего отечества» [Правдзик, 1892, с. 1]. Для него это более гигиеничный и эстетически удовлетворительный способ погребения, который уже в недалеком будущем получит распространение в России, так же, как он получил на Западе [Правдзик, 1892, с. 2]. В его интерпретации в одном ассоциативном ряду с кремацией стоят такие слова, как современная культура, утилитаризм, цивилизованность. Коллега Б. Правдзика, А. К. Энш, профессор по кафедре водоснабжения и канализации Рижского политехнического института, также посвятил один из своих трудов кремации. Отмечая роль церкви как главного противника и, по сути, единственное препятствие к легитимации кремации в России, он заметил, что принятый способ погребения лишь веками освященный обычай, который может быть и изменен [Энш, 1910, с. 24]. Сторонником сжигания, однако, его делают не антиклерикальные или неоязыческие взгляды, а исключительно рациональные гигиенические соображения. Кремация, по его мнению, придет с ростом просвещения, и уже сейчас как в обществе, так и в правительстве намечается поворот в этой области. Вторя Б. Правдзику, он писал о неизбежности обращения к кремации: «...как бы мы ни отграничивались стеною от успехов гигиены, в конце концов и наши большие города, наряду с канализацией, водопроводами и другими санитарными сооружениями, будут вынуждены устроить крематории и обратиться к сожиганию покойников» [Энш, 1910, с. 24–25].

А. К. Энш ничуть не лукавил, говоря о повороте власти в сторону кремации. Проект создания крематория активно обсуждался в Петербургской городской управе (исполнительный орган Городской Думы), куда он был представлен председателем санитарной комиссии, доктором медицины действительным статским советником А. Н. Оппенгеймом. Вопрос возник после всестороннего изучения городского кладбищенского дела и, в частности, ситуации с Преображенским кладбищем. Ревизионная комиссия пришла к выводу о практически полном несоблюдении санитарных норм при погребении, и что при «наблюдаемом ныне его положении» кладбище «может послужить очагом распространения заразных заболеваний» [Преображенское кладбище, 1907, с. 1919]. Санитарная комиссия, не столь драматизируя ситуацию, заключила, что переполнение кладбища «не таково, чтобы угрожало опасностью для текущего момента», но оно, «принимая во внимание продолжающийся усиленный рост Петербурга, в очень близком будущем выдвигает на очередь

вопрос не только о расширении кладбища и перепланировке его, но и об учреждении в Петербурге крематориума» [*О городском Преображенском*, 1907, с. 2932]. Возражения управы на проект носили вовсе не морально-этический, а юридический характер. В частности, согласно законам Империи мертвые тела должны быть погребены на кладбищах, и необходим их судебный осмотр. Указывалось также на укорененность практики традиционных похорон — «то, что создано веками, не может быть искоренено годами и даже десятилетиями», в связи с чем недопустимым признавалось принудительное использование крематория. Были высказаны сомнения в экономической эффективности проекта, учитывая предполагаемый низкий спрос на подобные услуги. При этом отмечалось, что эти препятствия «не настолько существенны, чтобы могли служить основанием для признания предложенной меры неосуществимой», а «с точки зрения санитарной, трупосжигание не встречает никаких возражений» [*По вопросу об устройстве крематория*, л. 3 об.]. Городской голова (председатель Городской думы) в письме градоначальнику сообщал, что в заседании Думы 29 сентября 1908 г. собрание «единогласно постановило: возбудить, в установленном порядке, ходатайство о разрешении трупосжигания в особо устроенных крематориумах в России». В связи с этим он просил предоставить это ходатайство Думы высшему правительству [*По вопросу об устройстве крематория*, л. 7]. Несмотря на подобную поддержку городских властей, из-за жесткой позиции церкви проект все же не был реализован. Позиция церкви была учтена и при разработке «Положения об устройстве кладбищ и крематориев, о погребении и учете умерших», которое обсуждалось комиссией о народном здравии Государственной думы с конца 1913 г. Согласно ему «в крематориях могут быть сожигаемы лишь трупы лиц, принадлежащих к тем исповеданиям и вероучениям, кои допускают возможность такого способа погребения» [*Доклад комиссии о народном здравии*, с. 1, 12]. Таким образом, данный вопрос был принципиален именно для церкви, а не для власти.

Отметим, что непринятие РПЦ кремации сохраняется до сих пор. Она трактуется как нарушение основ христианской веры: «Церковь, считая кремацию явлением нежелательным и не одобряя ее, может со снисхождением относиться к факту кремации тела усопшего. После кремации прах должен быть предан земле. При этом пастырям следует напоминать родственникам усопших и лицам, ответственным за организацию захоронений, о церковном отношении к кремации» [*О христианском погребении усопших*, 2015]². Разумеется, до революции, когда церковное лобби было намного сильнее, она могла позволить себе быть более категоричной. Даже если человек хотел быть кремирован после смерти, законным способом ему это сделать было невозможно. Показательна история полковника в отставке Корпуса инженер-механиков флота Я. Я. Баранцова. 24 марта 1916 г. он написал письмо митрополиту Петроградскому и Ладужскому Питириму (в миру Павел Васильевич Окнов) с просьбой разрешить ему быть сожженным после смерти: «Во Имя Отца и Сына и Святого Духа. Аз есмь смертный раб ВСЕВЫШНЕГО земля и в землю обращаешься. Яко земля есть перегной растительного и животного царства, образовавшийся

² В проекте была более жесткая формулировка: «Исходя из свидетельств церковного Предания, Архиерейский Собор не может признать кремацию нормой обращения с телами почивших христиан, соответствующей вере Церкви, и призывает пастырей в подобающей форме разъяснять это верующим» [Проект документа «О христианском погребении...», 2013].

путем медленного окисления кислородом воздуха, при небольшом повышении температуры, тако и быстрое соединение кислорода воздуха с выделением пламени высокой температуры дает землю; а посему дерзаю просить ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО разрешить прах мой, после моей смерти, предать не погребению, а быстрому соединению с кислородом воздуха, в специально для сей цели устраиваемых печах. Аминь» [*Прошение отставного полковника Я. Баранцова*, л. 1].

Ответ Петроградской духовной консистории полковнику содержал следующие строки: «...тело христианина, по церковным и гражданским законам, погребается через предание земле <...> христианская православная церковь никогда не знала и не признает другой формы погребения, со своей стороны полагала бы вышеозначенную просьбу полковника Баранцова оставить без удовлетворения» [*Прошение отставного полковника Я. Баранцова*, л. 5].

В письме от 1 августа того же года Баранцов предпринял попытку объяснить свою позицию и все же добиться своего. Его аргументация заключалась в том, что главное — это обряд отпевания, а не предание земле, тем более что последнее на практике не всегда соблюдается: «Подтверждением того, что тело не всегда передается земле, служит следующее отступление: когда корабль в долгом плавании — тело передается воде. Когда свирепствует эпидемия — тела умерших предаются огню; то же происходит во время войны. Наконец устройство склепов — есть прямое нарушение обряда предания земле. Обряд же отпевания во всех случаях сохраняется. Если при настоящих условиях допускается отступление от обычая, то почему же при добровольном желании не может быть того же отступления, тем более, что обряд отпевания будет сохранен по всем правилам христианской православной церкви и самый акт предания тела земле совершается в церкви после отпевания» [*Прошение отставного полковника Я. Баранцова*, л. 7 об.]. На этом переписка, судя по хранящимся в архиве делам, окончилась. Вероятно, в начавшихся бурных событиях 1917 г. его дело не занимало консисторию.

Спустя всего около двух лет большевики, еще только совершив переворот и контролируя лишь незначительную часть территории бывшей Империи, начнут выпускать декреты, ломающие вековые традиции, устои и социальный уклад. 7 декабря 1918 г. кремация обрела легальный статус благодаря декрету Совнаркома РСФСР «О кладбищах и похоронах» [*О кладбищах и похоронах*, 1968]. Любопытно, что на тот момент в стране не было ни одного крематория³, то есть осуществить свое право на сожжение было просто невозможно. Крематории являлись в глазах большевистских лидеров и сторонников трупосжигания составной частью той технократической утопии, которую они начали строить. Как справедливо заметил Р. Стайтс, «огненные машины крематория были идеальной эмблемой большевистского способа смерти: чистого, рационального и экономичного» [*Sities*, 1989, p. 114]. Уничтожение векового религиозного обряда не было самоцелью, но следствием преклонения перед прогрессом. Не лишним будет сказать и о завете их учителей — тело Ф. Энгельса, согласно его собственной воле, было кремировано, а урна с прахом опущена в море [*Митько*, 2006, с. 113].

Замена православной панихиды не подразумевала обязательное обращение к кремации. Изначально на смену ей пришли «красные похороны», во многом

³ Действовал лишь крематорий во Владивостоке, построенный в 1908 г. для живших в городе японцев.

повторявшие торжественно-печальную эстетику традиционных похорон. Одновременно они считались более демократичными — отныне церемония не должна была определяться социальным статусом покойника. Пропаганда идей кремации стала одной из составляющих работы партийных идеологов, и, судя по используемым в ней приемам, наиболее корректно будет соотнести ее с пропагандой науки и техники. Несмотря на тоталитарный характер, большевистская власть учитывала необходимость определенной степени общественного согласия, понимала важность принятия массами новой национальной технологической политики, создания нужного «социотехнического воображаемого» — «коллективно разделяемых представлений о формах социальной жизни и социального порядка, отраженных в конструкции и исполнении национально специфичных научных и технологических проектов» [Jasanoff, Kim, 2009]. В вопросе технической пропаганды власть использовала стратегию «мягкой силы» [Nye, 1991], стараясь показать и доказать населению ее преимущества.

В 1920-е гг. вновь публиковались работы Б. К. Правдзика [Б.К., 1921; *Правдзик*, 1921], в которых он не только повторял свои прежние выводы, но в подробностях описывал устройство и механизм работы крематория. Главным же советским идеологом трупосжигания стал Гвидо Габриэлевич Бартель (1885—1943), инженер из Одессы, этнический немец. Последнее обстоятельство впоследствии стало для него роковым. В 1941 г. он был отправлен в ссылку в Казахстан, а годом позже арестован и осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей, погиб в заключении. Его монография, посвященная кремации, издавалась трижды. Кроме этого, он выступал с пропагандой идеи кремации на страницах периодической печати. Благодаря его стараниям в 1927 г. был открыт первый крематорий в Москве.

Показательно, что лозунг В. И. Ленина догнать и перегнать страны Запада не только политически, но и экономически, то есть создать технически развитую промышленность, использовался и в пропаганде кремации. Успешный западный опыт — неотъемлемый аргумент Г. Бартеля: «Среди культурных завоеваний Запада имеется ряд колоссальных достижений в области техники, с которыми нам не только полезно ознакомиться, но с которых *нужно брать пример*, и среди них, несомненно, значительное место занимает усовершенствованный способ огненного погребения умерших, так называемая “кремация”» [Бартель, 1925б, с. 3].

Аргументация Г. Бартеля и предлагаемые им механизмы внедрения новой культуры в жизнь схожи с теми, что озвучивались его коллегами. В первую очередь, он писал о необходимости правильного информирования населения о преимуществах кремации, каковую задачу и должна была решать его книга: «Надо надеяться, что читатель, ознакомившись с этим вопросом, станет приверженцем этого культурного, разумного, экономного и красивого способа погребения» [Бартель, 1925б, с. 4]. Дальше шли аргументы гигиенического характера. Кладбища, по его мнению, могут не отвечать санитарно-гигиеническим требованиям, микробы, сохраняясь в трупах, могут служить разносчиками болезней. Кремация, таким образом, — блестящее разрешение земельно-кладбищенского кризиса [Бартель, 1925б, с. 12–13, 64]. Более того, она позволит экономить не только время, но и деньги, так как кремирование значительно дешевле традиционных похорон [Бартель, 1925б, с. 67]. Неготовность населения к кремации он объяснял предрассудками, суевериями, отсталостью, косностью, встречающимся порой глубоким невежеством и некультурностью. Вторя лидерам страны, он видел средство борьбы с этим в развитии науки и техники:

«В нашу эпоху победоносного пробивания знанием дороги даже в гущу наиболее отсталой части населения, знаменем которой становится *просвещение и наука* — нет у нас больше места для суеверий, предрассудков и косности! Вместе с автомобилем, трактором, электрификацией — дорогу кремации!» [Бартель, 1925б, с. 75].

В качестве примера нужного метода пропаганды Бартель приводил выставку по кремации, организованную осенью 1924 г. в Москве Государственным Институтом Социальной гигиены при Наркомздраве. На ней, в частности, был представлен плакат, тезисно сообщавший ее суть и преимущества:

«1 — идеальнейший способ погребения;

2 — абсолютно удовлетворяет всем требованиям санитарии;

3 — разрешает земельно-кладбищенский кризис городов;⁴

4 — незаменима при эпидемиях, войнах, народных бедствиях;

5 — рассеивает вековые предрассудки;

6 — наиболее красивый, целесообразный и дешевый способ погребения;

7 — разрешает вопрос легкого и дешевого способа передвижения останков;

8 — вносит упрощение в быт похорон, удешевляет их и сберегает время родным;

9 — служит источником для архитектурного, технического, художественно-промышленного творчества и

10 — признак высокой культуры» [Бартель, 1925в, с. 48].

Именно эти идеи сохранились и в остальных научно-популярных изданиях по данной тематике [Лазарев, 1924; Бурче, 1924; Стоклицкий, 1928]. Некоторые из них были предназначены для бесплатной раздачи населению [Весслер, 1931]. Г. Бартель подчеркивал, что «кремация должна быть добровольной и необязательной» [Бартель, 1925а, с. 29]. Таковой была и позиция власти. При открытии выставки народный комиссар здравоохранения П. А. Семашко объявил, что введение этого красивого, культурного и экономного способа захоронения следует вести по выработанным формам советской общественности, то есть при пробуждении инициативы самих трудящихся масс. Недостаточно построить крематории, чтобы привлечь к ним людей, нужно объяснять населению их выгоды, тем более что даже среди интеллигентных людей в середине 1920-х гг. немало можно было встретить таких, которые впервые слышали слово «кремация» и не знали его обозначения [Бартель, 1925а, с. 25]. Большое значение сторонники кремации призывали уделять созданию обществ, ведь именно так она прокладывала себе путь за рубежом. Для этого, в частности, в 1927 г. в Москве было создано Общество развития и распространения идей кремации, просуществовавшее, впрочем, лишь до 1928 г.

Кремация описывалась не только как рациональный и экономически дешевый способ погребения, но и красивый. Г. Бартель, основывая свой вывод на посещении зарубежных крематориев, описывал его следующим образом: «Представьте себе строгую, но приятную для глаза залу, уставленную скамьями со спинками или стульями для родных и знакомых, и с убранным цветами катафалком в задней обычно куполообразной ее части и с кафедрой для оратора или духовного лица. В зале разлит равномерно рассеивающийся денной или электрический свет. Кругом благоговейная тишина и покой» [Бартель, 1925а, с. 26–27]. По его мнению, это совсем

⁴ Особенно это касалось Москвы. Власть стремилась ликвидировать все кладбища в городской черте [Лавров, 1926].

не тот трагизм и мучительная боль, которые приносит зрелище опускания гроба в могилу.

Несмотря на все старания сторонников кремации, а затем и власти, культурная рецепция новой технологии происходила болезненно. Пожалуй, первыми заявили о готовности атрибутировать новую технологию поэты-футуристы, но сделали это с присущим им эпатажем и глорификацией бездушной жестокости технократии. Один из выпусков футуристического альманаха «Мезонин поэзии» (1913 г.) удостоился названия «Крематорий здравомыслия». В. Шершеневич, Хрисанф (Л. Зак), Б. Лавренев и др. обрушили на читателя такие нескромности, как эстетизация человеческого чрева, трепанация чувств и морали с одновременной страстью к холодной красоте машины, уничтожающей отжившее прошлое. В сборнике не фигурируют печи с трупами, но тема смерти присутствует неизменно:

«Раскрываются могилы и, как рвота, выливаются
Оттуда полусгнившие трупы и кости,
Оживают скелеты под стихийными пальцами,
А небо громами вбивает в асфальт гвозди»
(В. Шершеневич) [Крематорий здравомыслия, 1913, с. 7].

Отходя от метафор смерти, они приблизили ее непосредственно к читателю, давая телом почувствовать ее неизбежность, запах, увидеть во всех натуралистичных подробностях:

«Стиснуть ажурным чулком до хрипения нежное, девичье горло,
Бить фонарным столбом в тупость старых поношенных морд —
Все, что было вчера больным — сегодня нормально и здорово»
(Б. Лавренев) [Крематорий здравомыслия, 1913, с. 18].

Отчасти восприятие обществом кремации было схожим с восприятием авангардной поэзии — непонимание, быстро перерастающее в неприятие. Но если наглые молодые поэты, щекотавшие своими стихами общественный вкус, мораль и провозглашавшие борьбу с ханжеством, были безопасны, то сжигание тела в печи было попыткой добраться до той реальности, которой боятся и по этой причине не могут заставить себя воспринимать рационально.

Реализованные проекты крематориев представлялись обывателю не символом прогресса, но неким «лабораторным опытом или аттракционом» [Мальшева, 2016, с. 38]. Наиболее ярко это видно на примере строительства крематория в Петрограде — сюжет, уже привлекавший внимание исследователей [Шкаровский, 2006; Измозик, Лебина, 2010, с. 56–67]. Как было показано выше, еще до революции специалисты говорили о том, что высокое стояние грунтовых вод, постоянная угроза наводнений, санитарная угроза населению требовали срочного решения городского кладбищенского вопроса. Не стоит забывать и про реалии Гражданской войны, сопровождавшейся голодом из-за трудностей с подвозом продовольствия и эпидемиями, сделавшими проблему еще более актуальной.

Во исполнение декрета «О кладбищах и похоронах» в 1919 г. в Петрограде была создана Постоянная Комиссия по постройке 1-го государственного крематория, в которую вошли Б. Г. Каплун (председатель), профессор С. В. Баниге, 3 инженера

и один доктор [*Дело по устройству крематория в Петрограде*, л. 2]. В выборе места для постройки крематория Комиссия остановила свой выбор на двух вариантах: площади, расположенной на берегу Невы около Александро-Невской Лавры и на участке Московского шоссе № 60. Принципиальным являлось решение строить крематорий на окраине города, что объяснялось как санитарными соображениями, так и стремлением предоставить архитекторам «большой простор в смысле выбора стиля» [*Дело по устройству крематория в Петрограде*, л. 2–2 об.]. Площадь на берегу Невы была занята амбарами с товарами и фуражом, принадлежащим Петроградскому Народному комиссариату продовольствия. В связи с этим итоговый выбор пал на место по адресу Обводный канал, 19 — парк, прилегающий к кладбищу Александро-Невской Лавры (Митрополичий сад). Одной из причин, помимо санитарных условий, свободы пространства и удобства подвозки материалов, стало то, что это был район «с наибольшей смертностью» [*Дело по устройству крематория в Петрограде*, л. 3]. Данный аргумент в пользу скорейшей постройки крематория не стоит недооценивать. Инженер Н. Н. Козлов, занимавшийся производством печей собственной системы, 29 марта 1919 г. отправил в Комиссию письмо, в котором объяснял необходимость активировать работу по постройке крематория. В документе легко распознается желание получить заказ на изготовление печей для трупосжигания. Так, он предложил, учитывая отсутствие кокса и антрацита, применяемых в качестве топлива на Западе, и малое знакомство техников с кремационным делом, использовать печь на дровах или торфе, и выразил надежду на то, что Комиссия организует конкурс на «пригодную для России систему печи» [*Дело по устройству крематория в Петрограде*, л. 16–17]. Одновременно он приводил ряд рациональных и обоснованных аргументов в пользу скорейшего строительства. В частности, он справедливо отмечал «прогрессирующее количество непохороненных трупов» и «рост эпидемических заболеваний», массы мусора и невывезенного конского навоза на улицах, создающие благодатную среду для роста болезнетворных бактерий. Все это «гарантирует в 1919 г. пышный расцвет эпидемий», а летом «эпидемии начнут косить сотнями и тысячами в сутки» [*Дело по устройству крематория в Петрограде*, л. 16 об.].

Предложение члена Комиссии С. В. Баниге ограничиться постройкой небольшой станции для трупосжигания, исходя из «соображений бытового и религиозного характера», было отвергнуто. Члены Комиссии полагали, что «трупосжигательная станция едва ли в состоянии привлечь к себе симпатии населения». Ввиду этого Комиссия полагала предпочтительным «постройку Крематориума-Храма» [*Дело по устройству крематория в Петрограде*, л. 2 об.]. В связи с утверждением исследователей темы, что главной целью пропаганды кремации была борьба с религией, это весьма показательно, равно как и то, что согласно программе на постройку крематория он должен был, в числе прочего, иметь 2–3 комнаты для священнослужителей каждая по 5–6 кв. саженей [*Измозик, Лебина*, 2010, с. 61]. Монументальная торжественность здания была призвана напоминать церковь, что, по мнению членов комиссии, сделало бы разрыв с традиционной церемонией не таким разительным и позволило добиться лояльности населения. В связи с этим встала задача организации конкурса по постройке крематория. За первые пять лучших проектов Комиссия назначила премии в размере: 1) 15 000, 2) 12 000, 3) 10 000, 4) 8 000, 5) 5 000. Отмечалось, что значительные размеры премий установлены «в целях привлечения

к конкурсной работе всех лучших работников по архитектуре» [*Дело по устройству крематория в Петрограде*, л. 2].

Представленные на конкурс проекты стали для архитекторов первым подобным опытом. Мы не беремся сказать, насколько искренним был энтузиазм стать автором первого в стране крематория. Несложно предположить, что в условиях первых послереволюционных лет решение участвовать в конкурсе обуславливалось возможностью получения солидной премии. Тем не менее предложенные проекты весьма интересны в плане попыток решения абсолютно новой задачи, вариантов репрезентации неоднозначно воспринимаемой технологии средствами архитектуры. В ходе первого конкурса в мае-июне 1919 г. было представлено 15 архитектурных проектов и 4 технических, но жюри под председательством академика Альберта Бенуа решило, что они недостаточно разработаны. В августе состоялся второй конкурс, по результатам которого были выбраны два победителя — проект академика архитектуры И. Фомина «К небу» и инженера А. Джорогова «Жертва» [*Шкаровский*, 2006, с. 160]. После дискуссий был принят проект А. Джорогова. Свою роль, возможно, сыграл тот факт, что доминантой проекта И. Фомина являлась тяжелая цилиндрическая башня, увенчанная изображением погребального пламени [*Лисовский*, 2008, с. 345], что символизировало путь души на небо после смерти и явно контрастировало с материалистической идеологией, которую, по мнению власти, крематорий должен был символизировать [*Шкаровский*, 2006, с. 160].

Биография автора проекта-победителя А. Джорогова достаточно символична. Она более чем насыщена, даже для такой наполненной событиями эпохи. Забегая вперед, скажем, что из-за финансовых трудностей проект так и не был реализован (равно как и другие), но он сыграл важную роль в судьбе архитектора. В момент объявления конкурса Джорогов находился в тюрьме, где отбывал восьмилетнее заключение за убийство ростовщика с целью грабежа (о доказанности обвинения мы судить не беремся). Победа спасла его — отсидев 10 месяцев, он был досрочно освобожден и назначен главным инженером по постройке крематория [*Гард*, 1926а]. В 1922 г. его обвинили в убийстве своей бывшей сожительницы Кузнецовой и приговорили к десяти годам. По возбужденному им перед ВЦИК ходатайству, дело об убийстве было отправлено на вторичное рассмотрение. В 1926 г. его оправдали и выпустили на свободу. На суде на вопрос председателя о том, он ли является строителем крематория, Джорогов ответил — «к сожалению, я» [*Гард*, 1926а]. Его, уже больного немолодого человека обвиняли в гипнотизме, рассказывали о мести женщин, которым он разбил сердце, подозревали в том, что убийство ростовщика было совершено совместно с «князем Юрьевским, внуком Александра Второго» (а возможно, политическим авантюристом, выдававшим себя за него) ради секретных контрреволюционных документов, в связях с бандой легендарного Ленки Пантелеева и какими-то армянами, также из криминального мира (Джорогов был армянином). В ответ на сообщение свидетельницы, что он гипнотизировал и бил убитую сожительницу, инженер в отчаянии заявил: «Про меня говорили, что я бил Кузнецову, я сжигал в крематории живых людей! Все что угодно говорили!» [*Гард*, 1926б]. Хоть его и оправдали, но как не заметить эту трагическую символику — архитектором храма смерти стал человек, обвиняемый в двух жестоких убийствах!

В условиях нехватки финансирования в Петрограде и отсутствия необходимого оборудования [*Заседание Комиссии по кремации*, л. 7] был организован временный, опытный крематорий на 14-й линии Васильевского острова. В марте 1920 г.

приступили к работам, а 14 декабря 1920 г. было совершено первое сожжение и вплоть до 21 февраля 1921 г. в нем было проведено 379 сжиганий, из коих 241 умерших от заразных болезней и лишь 16 согласно их завещанию. 319 покойников были русскими, 255 — красноармейцами, 20 — младенцами. В основном жертвы эпидемий — 170 скончались от возвратного тифа, 22 — брюшного тифа, 34 — сыпного тифа, 5 — дизентерии. По одному трупу — раздавленный трамваем, утопленник, отравившийся, умерший от удушения; также было кремировано 8 мертворожденных детей [*Переписка с постоянной комиссией*, л. 15]. После этого из-за технических проблем он был закрыт.

Нельзя не сказать и о еще одной яркой личности, связанной с постройкой петроградского крематория, — председателе Комиссии Б. Г. Каплуне. Двоюродный брат Председателя Петроградской ЧК Моисея Урицкого (убит летом 1918 г.), сделавший блестящую карьеру в голодном Петрограде, отличался жестокостью и фантазией, что придавало весьма символический смысл его назначению на эту должность. В. С. Измозик и Н. Б. Лебина замечают, что для него «строительство крематория стало продолжением игры в революцию» [*Измозик, Лебина*, 2010, с. 60]. Согласно воспоминаниям Ю. П. Анненкова, вместе с Каплуном, поэтом Н. Гумилевым и юной девушкой они принимали участие в первой кремации. Каплун предоставил право выбора кандидата из сваленных на полу трупов даме. Испуганная, она указала на тело, на котором была табличка: «Иван Седакин. Соц. пол.: Нищий». Впоследствии Каплун любил присутствовать на церемониях кремации, возможно, получая от этого удовольствие [*Измозик, Лебина*, 2010, с. 65]. Своеобразно выглядел и бланк Комиссии — черные ворон, перед которым лежит человеческий череп, обьятый пламенем.

Чтобы понять, какое зрелище представало глазам Председателя Комиссии, приведем отрывок из отчета об опытном сожжении трупа 18 декабря 1920 г.: «В 20 час. 24 мин. при работе левого регенератора и подаче газа в правую камеру горения труп без гроба на железной решетке был введен в печь; одежда и волосы вспыхнули моментально; 20 час. 26 мин. замечено незначительное изгибание вверх туловища, согнулись в коленях и бедрах и разошлись ноги; руки сложенные на груди разошлись; началось выпаривание влаги; наружные покровы начали обугливаться.

Подача воздуха к началу сожжения происходила через закрытую на три четверти регуляторную задвижку. 20 час. 28 мин. увеличена подача воздуха — задвижка открыта до половины; началось горение нижних конечностей; 20 час. 32 мин. загорелись также и верхние конечности; 20 час. 37 мин. вскрылась грудная и брюшная полости; наружные покровы наполовину сторели. 20 час. 46 мин. увеличена подача воздуха — задвижка открыта на три четверти; пламя охватило весь труп. 20 час. 49 мин. реберные хрящи обгорели; конечности отпали; интенсивно горят полости носа и рта; пламя вырывается из глазных впадин. 20 час. 51 мин. началось горение легких». В «21 час черепная коробка развалилась; началось интенсивное горение мозга» [*Переписка с постоянной комиссией*, л. 12–12 об.].

Провал проекта крематория в Петрограде не остановил сторонников кремации. Продолжали работать и архитекторы, не боявшиеся жанра «инфернальной архитектуры». Среди них были как студенты, так и признанные мастера — Яков Черников, Владимир Кринский, Константин Мельников. Их проекты были разными, но, пожалуй, ни один не соответствовал представлениям Г. Бартеля, писавшего, что нужно «избегать мрачных построек, наоборот, крематорию с наружной и внутренней его стороны необходимо придавать приятный, успокаивающий вид, равно, как

и всей окружающей обстановке, кладбищенскому парку и колумбарии» [*Бартель*, 19256, с. 91]. Вместо «Крематориума-Храма» у архитекторов зачастую получались грозные холодные здания, словно ожидающие невинных жертв, отправленных новой эпохой на заклание. Это и подобие вавилонской башни у А. Гегелло в его конкурсном проекте петроградского крематория, и пещера-усыпальница И. Француза, ученика мастерской И. Голосова и К. Мельникова, и явные ассоциации с римским Пантеоном в курсовом проекте А. Мухина, студента архитектурного отделения Московского института гражданских инженеров. Не соответствовали задумкам советских идеологов кремации и крематории в фантастических произведениях А. Платонова о технически совершенном, но несчастливом будущем. Рядом с крематорием в «Эфирном тракте» есть Дом воспоминаний, встречающий людей надписью: «Смерть присутствует там, где отсутствует достаточное знание физиологических стихий, действующих в организме и разрушающих его» [*Платонов*, 2011, с. 77].

1-й Московский крематорий, открытый в 1927 г., представлял собой перестройку церкви, выполненную архитектором Дмитрием Осиповым (его тело после смерти в 1934 г. будет здесь кремировано). Характерные для конструктивизма простые геометрические формы и практически полное отсутствие декора делало здание полностью «бездуховным». Акцент на функционализме, характерный для архитектуры авангарда, вряд ли мог привлечь обывателя, учитывая назначение здания. Любопытной формой ответной реакции населения стала психологическая защита путем интеграции образа кремации в смеховую культуру. Именно смех, как справедливо заметил Михаил Бахтин, «освобождает не только от внешней цензуры, но прежде всего от большого внутреннего цензора» [*Бахтин*, 1990, с. 107]. В частности, по городу ходил такой анекдот: «В Москве выстроили крематорий, но никто не хочет сжигать своих близких и все везут хоронить на кладбище. “Так и сидим без почину, — жалуются комиссар 1-го Госкрематория, — хоть бы одного покойничка...” Нашли как-то почти ооченевшего беспризорного. Решили, до вечера не проживет, и бросили в печь... Прошло пятнадцать минут, администрация крематория решила взглянуть, как испепелился труп; открыли железную дверь, а оттуда мальчишка, забившийся в угол, кричит охрипшим голосом: “Зараза, зачени двери, дует, ведь не лето...”» [*Мельниченко*, 2014, с. 674]. Показательно, что в другой версии анекдота Михаил Калинин (Председатель ЦИК СССР) ведет экскурсию иностранцам, заявляя, что «крематорий целиком построен руками советских инженеров и из советских материалов», что подчеркивало скепсис в отношении советской техники, неспособной даже сжечь беспризорника.

Учитывая вышесказанное, было бы странно, если бы к кремации не обратился мастер черного юмора и абсурдистской литературы Даниил Хармс. Крематорий, символизировавший десакрализацию смерти, встречаем в рассказе «Судьба жены профессора» (1936 г.), где он описан как механизм, превращающий человека в кучку песка. Заболевший испанкой ленинградский профессор сначала отправляется лечиться в Москву, там ложится в больницу и умирает: «Тело профессора сожгли в крематории, пепел положили в баночку и послали его жене.

Вот жена профессора сидит и кофе пьет. Вдруг звонок. Что такое? “Вам посылочка”.

Жена обрадовалась, улыбается во весь рот, почтальону полтинник в руку сует и скорее посылку распечатывает.

Смотрит, а в посылке баночка с пеплом и записка: “Вот все, что осталось от Вашего супруга”.

Жена ничего понять не может, трясет баночку, на свет ее смотрит, записку шесть раз прочитала, — наконец, сообразила, в чем дело, и страшно расстроилась» [Хармс, 2001, с. 692–693; см. также: Кобринский, 2009, с. 366].

Абсурдной оказывается не только столь нелепо окончившаяся жизнь профессора и его смерть, но и судьба его праха. Вдова завернула баночку в газету и тайком от сторожа зарыла в саду 1-й Пятилетки (Таврическом), притоптав вокруг ног.

Крематорий собирались построить и в провинциальном Черноморске, месте действия романа «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова. Предлагаемая авторами сатирического романа реакция населения заключалась в смехе и шутках. Идея того, что людей можно сжигать как поленья, очень веселила население, а старички прямо так и хотели «в советский колумбарий» [Ильф, Петров, 1933, с. 56]. Сами разговоры о смерти перестали быть для героев неловкими и тяжелыми, благодаря крематорию она превращалась в заурядность.

В реальной жизни население было не готово к принятию кремации [Stites, 1989, p. 114]. Строительство крематориев несильно изменило эти настроения. Будущее замнялось абсурдом реальности. Вместо символа прогресса и технического совершенства, «технологического возвышенного», чего добивалась власть, крематорий превратился в глазах обывателя в алтарь революции для ее подчас недобровольных жертв. Гибель миллионов в период коллективизации, массовых репрессий, Великой Отечественной войны формировала коллективные представления, отличные от «сытых» западных, развивавшихся в более комфортной среде. Не замечать и не уважать смерть нельзя, когда она настолько рядом, и нет возможности спрятаться в объятиях гедонизма и цинизма. Не могла не повлиять на отношение к кремации и ассоциация с печами нацистских концлагерей, где сжигали, в том числе, и тела убитых советских военнопленных. Со временем строительство крематориев в СССР продолжилось, но об их пропаганде говорить не приходится. В Ленинграде крематорий был открыт лишь в октябре 1973 г. Показательный момент — ни одна из основных городских газет («Ленинградская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград») не уделила этому событию ни строчки.

Таким образом, при обращении к истории кремации в России стоит учитывать, что инициатива ее утверждения изначально исходила отнюдь не от большевиков. Задолго до 1917 г. ряд инженеров, врачей, гигиенистов активно популяризировали идею трупосжигания как одну из составляющих решения кладбищенского вопроса и символ новой культуры. Идея кремирования находила сочувствие и среди власти, о чем, в частности, говорит ее полное одобрение городскими властями Санкт-Петербурга. Большевики, видевшие в развитии техники залог победы революции, включили кремацию в образ своей технократической утопии. Она стала, наряду с электрификацией или радиофикацией, в первую очередь, частью нового культурного мышления, и лишь затем способом борьбы с религиозными традициями. При этом большевики учитывали необходимость определенной степени общественного согласия, понимали важность принятия данной технологической новинки обществом и использовали стратегию «мягкой силы». Кремация оказалась одной из тех немногих идей, которые не смогли преодолеть сопротивление масс. Несмотря на тоталитарный характер власти, умевшей насильно интегрировать в общество радикально отличные от традиционных культурные ценности, с кремацией ее постигла неудача. Техника так и не смогла победить обряд.

Литература

- Б. К.* Сожигание человеческих трупов (кремация). Пг.: Государственное изд-во, 1921. 67 с.
- Бартель Г.* К постройке в Москве первого в СССР крематория // Коммунальное хозяйство. 1925а. № 23. С. 25–37.
- Бартель Г.* Кремация. М.: М.К.Х., 1925б. 95 с.
- Бартель Г.* Первая в России выставка по кремации // Коммунальное хозяйство. 1925в. № 4. С. 47–51.
- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. 541 с.
- Бурче Ф. Я.* Трупосожигание и его значение для Коммунальных Хозяйств // Коммунальное хозяйство. 1924. № 1. С. 8–10.
- Весслер К. К.* Что такое кремация? Козлов: тип. изд-ва «Наша правда», 1931. 15 с.
- Гард Э.* Джорогов перед судом // Вечерняя красная газета. 1926а. № 44. С. 3.
- Гард Э.* Джорогов перед судом // Вечерняя красная газета. 1926б. № 49. С. 3.
- Головкова Л. А.* Крайности атеистической пропаганды в стране Советов // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2011. Т. 1. № 21. С. 378–384.
- Дело по устройству крематория в Петрограде // ЦГА СПб. Ф. 2815. Оп. 1. Д. 320.
- Доклад комиссии о народном здравии по законопроекту об устройстве кладбищ и крематориев, о погребении и регистрации умерших // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Вып. 6 (№ 556–643). Четвертый созыв, 1913–1914 гг. Сессия вторая. СПб.: Государственная типография. № 579.
- Ени А. К.* Кремация. СПб.: Слово, 1910. 25 с.
- Заседание Комиссии по кремации 8 марта 1920 г. // ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп. 1. Д. 254.
- Измовик В. С., Лебина Н. Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы. (Социально-архитектурное микроисторическое исследование). СПб.: Крига, 2010. 248 с.
- Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. М.: Советская литература, 1933. 432 с.
- Кобринский А. А.* Даниил Хармс. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2009. 508 с.
- Крематорий здравомыслия: [Сб.]. М.: Мезонин поэзии, 1913. 46 с. (Мезонин поэзии; Вып. 3–4).
- Лавров Ф.* Московское коммунальное хозяйство и будущие пути его развития // Коммунальное хозяйство. 1926. № 6. С. 9–14.
- Лазарев В.* Устройство крематориев и техника кремации // Коммунальное хозяйство. 1924. № 1. С. 10–12.
- Лисовский В. Г.* Иван Фомин и метаморфозы русской неоклассики. СПб.: Коло, 2008. 487 с.
- Мальшева С. Ю.* Красный Танатос: некросимволизм советской культуры // Археология русской смерти. 2016. Т. 2. № 1. С. 22–47.
- Мельниченко М.* Советский анекдот (Указатель сюжетов). М.: НЛО, 2014. 1104 с.
- Митько О. А.* Кремация в современной культуре // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2006. Т. 5. № 3: Археология и этнография. С. 106–117.
- О городском Преображенском кладбище (Объяснения санитарной комиссии на доклад ревизионной комиссии) // Известия Санкт-Петербургской Городской думы. 1907. Т. 168. Декабрь. № 51. С. 2925–2948.
- О кладбищах и похоронах // Декреты советской власти. Т. IV (10 ноября 1918 г. — 31 марта 1919 г.). М.: Политиздат, 1968. С. 163–164.
- О христианском погребении усопших (утвержден решением Священного Синода от 5 мая 2015 года) // Официальный сайт Московского Патриархата. 5 мая 2015 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4067729.html> (дата обращения: 07.06.2017).
- Переписка с постоянной комиссией по постройке первого Государственного крематория и морга в Петрограде // ЦГА СПб. Ф. 4301. Оп. 1. Д. 795.

Платонов А. П. Эфирный тракт // Платонов А. П. Эфирный тракт: Повести 1920-х — начала 1930-х годов. М.: Время, 2011. С. 8–94.

По вопросу об устройстве крематория // ЦГИА СПб. Ф. 513 (Петроградская городская управа (1870–1918)). Оп. 1. Д. 352. Л. 3 об.

Правдзик Б. Кремация. СПб.: Типо-лит. фототип. В. И. Штейна, 1892. 45 с.

Правдзик Б. К. Трупожигание (кремация). Методы расчета кремационных печей и описание применяемых приборов. Пг.: Госиздат, 1921. 69 с.

Преображенское кладбище (Доклад ревизионной комиссии) // Известия Санкт-Петербургской Городской думы. 1907. Ноябрь. Т. 168. № 47. С. 1919–1923.

Проект документа «О христианском погребении усопших» // Официальный сайт Московского Патриархата. 11 сентября 2013 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3225747.html> (дата обращения: 07.06.2017).

Прошение отставного полковника Корпуса инженеров-механиков флота Якова Баранцова о разрешении на кремацию его тела после смерти // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 108. Д. 4.

Стоклицкий И. В. Кремация за границей и у нас. М.: Мосздравотдел, 1928. 87 с.

Хармс Д. Судьба жены профессора // Хармс Д. Цирк Шардам: собрание художественных произведений. СПб.: Кристалл, 2001. С. 692–694.

Шкаровский М. В. Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средства борьбы с религией // Клио. 2006. № 3 (34). С. 158–163.

Jasanoff Sh., Kim S.-H. Containing the Atom: Sociotechnical Imaginaries and Nuclear Power in the United States and South Korea // Minerva. 2009. № 47 (2). P. 119–146.

Nye J. S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. Basic Books, 1991. 336 p.

Stites R. Revolutionary dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. Oxford University press, 1989. 344 p.

“Along with the car, the tractor, electrification”: the history of cremation in Russia

ILIA V. SIDORCHUK

PhD in history, assistant professor

Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Institute of Humanities,
Higher School of Social Sciences.

e-mail: chubber@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the development of cremation in Russia in the period from the late nineteenth century until the early 1930s. The author comes to the conclusion that the promotion of a new type of funeral has been associated not so much with the struggle against religion, but part of the technocratic ideals. Before the revolution the ideologues of the cremation were not going to encroach on Christian faith, they were moved a completely different, more rational explanation. They didn't like the tradition of burial not because of the connection with Orthodoxy, retrograde religious myths, but because of the inefficiency and environmentally unfriendly. The burning of the corpses is cheaper, more hygienic, allows to fight the spread of epidemics, it is a sign of modernity. Exactly those ideas they were trying to broadcast to the society. In post-revolutionary conditions, the Bolsheviks, who saw in development technology the key to the victory of the revolution, were including a cremation in the image of their technocratic utopia. Cremation became, along with electricity or a radio, first and foremost, part of a new cultural thinking, and then a way of dealing with religious traditions. In this case, despite the powerful propaganda, this novelty was not understood and accepted by society.

Keywords: cremation, Gvido Bartel, Bolsheviks and technology, science and technology studies, sociotechnical imaginary, crematorium, death studies.

References

- B. K. Sozhiganie chelovecheskikh trupov (krematsiya) [Burning human corpses (cremation)]. SPb: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1921. 67 p. (in Russian).
- Bartel' G. (1925a) K postroike v Moskve pervogo v SSSR krematoriya [Construction in Moscow the first Soviet crematorium] // Kommunal'noe khozyaistvo [Communal economy]. № 23. P. 25–37 (in Russian).
- Bartel' G. Krematsiya [Cremation]. M.: M. K. Kh, 1925b. 95 p. (in Russian).
- Bartel' G. (1925c) Pervaya v Rossii vystavka po krematsii [Russia's first exhibition of cremation] // Kommunal'noe khozyaistvo [Communal economy]. № 4. P. 47–51.
- Bakhtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennansa. 2-e izd. [Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance. 2nd ed.]. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 541 p. (in Russian).
- Burche F. Ya. (1924) Truposozhiganie i ego znachenie dlya Kommunal'nykh Khozyaistv [Cremation and its value for the communal economy] // Kommunal'noe khozyaistvo [Communal economy]. № 1. P. 8–10. (in Russian).
- Vessler K. K. Chto takoe krematsiya? [What is cremation?]. Kozlov: Tipographia izdatel'stva "Nasha Pravda", 1931. 15 p. (in Russian).
- Gard E. (1926a) Dzhorogov pered sudom [Dzhorogov under the court] // Vechernyaya krasnaya gazeta [Evening red newspaper]. № 44. P. 3.
- Gard E. (1926b) Dzhorogov pered sudom [Dzhorogov under the court] // Vechernyaya krasnaya gazeta [Evening red newspaper]. № 49. P. 3.
- Golovkova L. A. (2011) Krainosti ateisticheskoi propagandy v strane Sovetov [The extreme of atheistic propaganda in the Soviet Union] // Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta [Annual theological conference of St. Tikhon Orthodox humanitarian University]. Vol 1. № 21. P. 378–384.
- Delo po ustroistvu krematoriya v Petrograde [Case on the organization of crematorium in Petrograd] // Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb) [Central state archive of St. Petersburg (CSA SPb)]. F. 2815. Op. 1. D. 320.
- Doklad komissii o narodnom zdravii po zakonoproektu ob ustroistve kladbishch i krematoriev, o pogrebenii i registratsii umershikh [The report of the Commission on the people's health on the draft law on the structure of cemeteries and crematoria, burial, and registration of deaths] // Prilozheniya k stenograficheskim otchetam Gosudarstvennoi dумы. Vyp. 6 (№ 556–643). Chetvertyi sozyv, 1913–1914 gg. Sessiya vtoraya [Annexes to the verbatim records of the State Duma. Vol. 6 (No. 556–643). The fourth convocation, 1913–1914 Session two]. SPb.: Gosudarstvennaya tipografya, no. 579.
- Ensh A. K. Krematsiya [Cremation]. SPb.: Slovo, 1910. 25 p.
- Zasedanie Komissii po krematsii 8-go marta 1920 g. [The meeting of the Commission for cremation on March 8, 1920] // TsGA SPb [CSA SPb]. F. 9156. Op. 1. D. 254.
- Izmozik V. S., Leбина N. B. Peterburg sovetskii: "novyi chelovek" v starom prostranstve. 1920–1930-e gody. (Sotsial'no-arkhitekturnoe mikroistoricheskoe issledovanie) [The Soviet Petersburg: "new man" in the old space. 1920–1930-ies. (Socio-architectural micro-historical study)]. SPb.: Kriga, 2010. 248 p.
- Il'f I., Petrov E., Zolotoi telenok [Golden calf]. M.: Sovetskaja literatura, 1933. 432 p.
- Kobrinskii A. A. Daniil Kharms [Daniil Kharms]. 2nd ed. M.: Molodaya gvardiya, 2009. 508 p.

Krematorii zdravomysliya: [Sb.] [The crematorium of sanity [Compilation]]. — М.: Mezonin poezii, 1913. — 46 p. (Mezonin poezii; Вып. 3–4).

Lavrov F. (1926) Moskovskoe kommunal'noe khozyaistvo i budushchie puti ego razvitiya [Moscow communal economy and future ways of its development] // Kommunal'noe khozyaistvo [Communal economy]. № 6. P. 9–14.

Lazarev V. (1924) Ustroistvo krematoriev i tekhnika krematsii [Organisation of crematoriums and cremation technology] // Kommunal'noe khozyaistvo [Communal economy]. № 1. P. 10–12.

Lisovskii V. G. Ivan Fomin i metamorfozy russkoi neoklassiki [Ivan Fomin and the metamorphosis of Russian Neoclassicism], SPb.: Kolo, 2008. 487 p.

Malysheva S. Yu. (2016) Krasnyi Tanatos: nekrosimvolizm sovetskoi kul'tury [Red Thanatos: necrosymbolism of Soviet culture] // Arkheologiya russkoi smerti [Archeology of Russian death]. Vol. 2. № 1. P. 22–47.

Mel'nichenko M. Sovetskii anekdot (Ukazatel' syuzhetov) [Soviet anecdote (Index of subjects)]. M.: NLO, 2014. 1104 p.

Mit'ko O.A. (2006) Krematsiya v sovremennoi kul'ture [Cremation in contemporary culture] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk state University. Series: History, Philology]. Vol. 5. № 3: Arkheologiya i etnografiya. P. 106–117.

O gorodskom Preobrazhenskom kladbishche (Ob'yasneniya sanitarnoi komissii na doklad revizionnoi komissii) (1907) [About the city's Preobrazhenskoe cemetery (explanation of the sanitary Commission on the report of the audit Committee)] // Izvestiya Sankt-Peterburgskoi Gorodskoi dumy [Bulletin of Saint-Petersburg City Duma]. Vol. 168. № 51. P. 2925–2948.

O kladbishchakh i pokhoronakh [About cemeteries and funerals] // Dekrety sovetskoi vlasti. T. IV (10 noyabrya 1918 g. 31 marta 1919 g.) [The Decrees of the Soviet government. Vol. IV (10 November 1918–31 March 1919)]. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1968. P. 163–164.

O khristianskom pogrebenii usopshikh (utverzhen resheniem Svyashchennogo Sinoda ot 5 maya 2015 goda) [On the Christian burial of the dead (approved by the decision of the Holy Synod on 5 may 2015)] // Ofitsial'nyi sait Moskovskogo Patriarkhata. 5 maya 2015 g. [Official website of the Moscow Patriarchate]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4067729.html> (date accessed: 07.06.2017) (in Russian).

Perepiska s postoyannoi komissiei po postroike pervogo Gosudarstvennogo krematoriya i morga v Petrograde [Correspondence with the permanent Commission for the construction of the first State crematorium and morgue in Petrograd] // TsGA SPb [CSA SPb]. F. 4301. Op. 1. D. 795.

Platonov A. P. Efirnyi trakt [The Ether Tract] // Platonov A. P. Efirnyi trakt: Povesti 1920-kh — nachala 1930-kh godov [The Ether Tract: Stories of the 1920s — early 1930s years]. M.: Vremya, 2011. P. 8–94.

Po voprosu ob ustroistve krematoriya [On the question about the organization of the crematorium] // Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskii arhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb) [Central state historical archive of St. Petersburg (CSHA SPb)]. F. 513. Op. 1. D. 352.

Pravdzik B. Krematsiya [Cremation]. SPb.: Tipolitografiya, fototipiya of V. I. Schtain, 1892. 45 p.

Pravdzik B. K. Truposzhiganie (krematsiya). Metody rascheta krematsionnykh pechei i opisanie primenyaemykh priborov [The burning of corpses (cremation). Methods of calcu-

lation of cremation furnaces and applied instruments]. Pb.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1921. 69 p.

Preobrazhenskoe kladbishche (Doklad revizionnoi komissii) (1907) [Transfiguration cemetery (Audit commission report)] // *Izvestiya Sankt-Peterburgskoi Gorodskoi dumy* [Bulletin of Saint-Petersburg City Duma]. Vol. 168. № 47. P. 1919–1923.

Proekt dokumenta “O khristianskom pogrebenii usopshikh” [The draft document “On the Christian burial of the dead”] // *Ofitsial'nyi sait Moskovskogo Patriarkhata*. 11 sentyabrya 2013 g. [Official website of the Moscow Patriarchate. September 11, 2013]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3225747.html> (date accessed: 07.06.2017).

Proshenie otstavnogo polkovnika Korpusa inzhenerov-mekhanikov flota Yakova Barantsova o razreshenii na krematsiyu ego tela posle smerti [A petition of a retired Colonel of the Corps of mechanical engineers of the Navy Yakov Barantsov to allow the cremation of his body after death] // *TsGIA SPb* [CSHA SPb]. F. 19. Op. 108. D. 4.

Stoklitskii I. V. Krematsiya zagranitse i u nas [Cremation abroad, and we have]. M.: Moszdravotdel, 1928. 87 p.

Kharms D. Sud'ba zheny professor [The fate of the wife of Professor] // Kharms D. *Tsirk Shardam: sobranie khudozhestvennykh proizvedenii* [The Shardam Circus: a collection of works of art]. SPb.: Kristall, 2001. P. 692–694.

Shkarovskii M. V. (2006) *Stroitel'stvo Petrogradskogo (Leningradskogo) krematoriya kak sredstva bor'by s religiei* [Construction of the Petrograd (Leningrad) crematorium as a means of struggle against religion] // *Klio* [Clio]. № 3 (34). P. 158–163.

Jasanoff Sh., Kim S.-H. *Containing the Atom: Sociotechnical Imaginaries and Nuclear Power in the United States and South Korea* // *Minerva*. 2009. № 47 (2). P. 119–146.

Nye J. S. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. Basic Books, 1991. 336 p.

Stites R. *Revolutionary dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. Oxford University press, 1989. 344 p.